

Ван Кэвэнь
заведующий кафедрой русского языка
Наньчанский университет (КНР)
wkwcom@163.com

Красноярова Анна Александровна
преподаватель кафедры русского языка
Наньчанский университет (КНР)
annaporkova1909@gmail.com

Попкова Татьяна Дмитриевна
доцент кафедры русского языка
Шаньдунский Женский университет (КНР)
tatyana3@mail.ru

Кондаков Борис Вадимович
профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
kondakovBV@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХАРБИНЕ

*Статья подготовлена при поддержке Фонда В. Потанина
(грант № ГСГК-95/18)*

В последние годы тема русского зарубежья приобрела статус самостоятельного научного направления в рамках литературоведческих и культурологических исследований. Исследование истории русской культуры в Китае, причин появления и этапов развития, особенностей содержания и формы произведений, принципов её функционирования и способов взаимодействия с китайской культурой стали в настоящее время чрезвычайно актуальны, что обусловлено процессами глобализации, протекающими в современном мире, разрушением идеологических барьеров, взаимным интересом обеих стран к истории и культуре друг друга. Опираясь на работы российских и китайских исследователей, авторы показывают, что русская культура Харбина синтезировала в себе отдельные черты, характерные как для русской классической культуры, так и для традиционной культуры Китая.

Ключевые слова: русское зарубежье, культура Харбина, литература зарубежья, периодизация, культурный анклав.

В начале двадцатого столетия важнейшим центром русского восточного зарубежья стал возникший в 1898 г. город Харбин, куда после событий Октябрьского переворота в 1917 г. переселилось огромное ко-

личество русских беженцев. Считается, что в Китай эмигрировало из России почти 2 миллиона человек, а к 1922 г. количество эмигрантов в Харбине превысило 150 тысяч человек (иногда называются и гораздо более внушительные цифры). Сам факт возникновения и существования русского Харбина способствовал формированию явления и понятия «российское зарубежье».

Стремительному развитию Харбина в качестве зарубежного центра русской культуры способствовал ряд факторов:

1. Возникновение развитой системы средств массовой информации на русском языке (публикация газет и журналов разного типа: общественно-политических, литературно-художественных, религиозных и научных). В период с 1901 по 1926 гг. в Харбине в свет выходили 102 газеты и 141 журнал [Мелихов 2003: 19]. Правда, поскольку большая часть публикуемых изданий имела небольшие тиражи и существовала недолго – не более одного года (как и издававшие их организации), многие газеты и журналы оказались полностью утраченными.

2. Развитие русского книгоиздательства (публикация учебников, детских книг, художественной, церковной и научной литературы), превратившее город в основной издательский центр за пределами России.

3. Открытие разнообразных русских учебных заведений (в том числе и высших), своей деятельностью способствовавших быстрому количеству образованных людей и созданию мощного слоя представителей русской интеллигенции, усложнению интеллектуальной жизни города.

4. Формирование насыщенной творческой атмосферы, выразившееся в деятельности художественных организаций (например, молодёжного литературного объединения «Чураевка»), способствовавших расцвету разных видов искусства: изобразительного (скульптуры, живописи, книжной графики, иконописи, сценографии, декоративно-прикладного искусства, дизайна), театрального, и – в особенности – литературы, а также архитектуры, придавшей Харбину оригинальный облик русского города.

Анализ выходивших в городе периодических изданий, произведений мемуарной и художественной литературы помогает получить объективную информацию о культуре и повседневной жизни русских в Харбине, воссоздать целостную картину общественной жизни и городского быта. По наблюдению Ли Жэньнянь, сотрудницы Государственной библиотеки КНР, именно в Харбине началось творчество многих, в дальнейшем ставших известными поэтов и прозаиков, в творчестве которых, развивавшемся в специфических условиях, ярко воплотились многие национальные традиции.

«Ядром» русской культуры Харбина стали произведения таких писателей, как Б. Дальний, Л. Дземешкевич, Н. Ильина, О. Лайиль-Ильина, В. Логинов, А. Несмелов, В. Перелешин, А. Серебренников, И. Серебренников, Л. Хаиндрова и др. [Perelešin 1987].

В истории исследований русской литературы и культуры Харбина можно выделить *несколько этапов*, на протяжении каждого из которых в работах российских и китайских специалистов формировалась определённая оценка фактов, событий, процессов, протекавших в социальном и духовном пространстве как в самом Китае, так и за его пределами, выделялись факторы, способствовавшие становлению Харбина в качестве центра русской культуры; возникали различные научные стратегии его изучения.

Первый этап изучения в СССР русской культуры Харбина начался в 1920–1930-е гг. В это время русская культура, сосредоточенная в городе, интерпретировалась исключительно как «белогвардейская», «антисоветская», всей своей деятельностью направленная против «советской власти». Для работ этого периода (в них ставились преимущественно политические и пропагандистские цели и, соответственно, использовались по преимуществу социологические и политологические подходы) было характерно полное неприятие российского белогвардейского движения; сам факт пребывания русских в Харбине интерпретировался как противоречащий «интересам Советской власти». Дальневосточная часть русской эмиграции интерпретировалась в контексте оценки всего русского зарубежья как части мира, «идеологически враждебного» по отношению к СССР. Подобную оценку истории и культуре Харбина давали в своих аналитических материалах В. Комин, Ю. Мухачев, Е. Полевой, А. Шкаренков и некоторые другие исследователи. Так, например, анализируя события конфликта между СССР и Китаем, происшедшего в 1929 г., В. Аварин однозначно назвал всю российскую эмиграцию «белобандитами» и «белыми лакеями империализма». Однако именно в этот период была сформирована огромная эмпирическая база фактов, в дальнейшем использовавшаяся для исследования основных тенденций развития истории русской культуры Харбина.

В 1950–1960-е гг. начался *второй этап* изучения русской культуры Харбина. На протяжении этого этапа в СССР стали публиковаться личные воспоминания некоторых эмигрантов, возвратившихся из Китая. Их мемуары содержали огромный эмпирический материал, воспроизводивший жизнь русского Харбина, и нередко отличались эмоциональным изложением и субъективностью оценки судьбоносных событий, происходивших в первую половину XX века (см. исследования Г.В. Мелихова, В.П. Петрова, Е.П. Таскиной и др.). В этих исследованиях ставились уже

не сугубо политические, а исторические и культурологические цели и использовались соответствующие научные методы.

Великая пролетарская культурная революция в Китае привела к возникновению идеологических барьеров между СССР и КНР, которые стали причиной застоя в исследовании русского Харбина, что можно сказать применительно как к китайской, так и к советской науке.

В 1970–1980-е гг. в СССР были опубликованы первые работы, авторы которых стремились дать объективную оценку русской культуры Харбина. В конце 1980-х гг. для российских и зарубежных специалистов открылся доступ к архивным данным, и исследователи стали активно изучать закономерности функционирования русской культуры в Китае. В результате интерес к русскому зарубежью стал расти, а оценка деятельности эмиграции стала меняться. Культура русского зарубежья стала рассматриваться как важнейшая составная часть русской культуры.

Третий этап изучения культуры русского Харбина (продолжающийся до настоящего времени) начался на рубеже 1980–1990-х гг., когда началось многостороннее исследование русской эмиграции как уникального социокультурного феномена. В этот период российские и китайские учёные стали обращать особое внимание на проведение историко-типологических параллелей, направленных на сопоставительное исследование китайской и русской культур, а также на описание разнообразных механизмов функционирования культуры.

Именно в это время были опубликованы работы таких учёных, как Е.Р. Абдуразакова, В.В. Агеносов, М.И. Гомбоева, А.Е. Гоковенко, А.П. Забияко, С.С. Забияко, Н.Н. Замошникова, Е.Е. Жарикова, С.И. Лазарева, С.С. Лешошко, Г.В. Мелихов, В.Ф. Печерица, Е.П. Таскина, А.Н. Шпилёва, А.А. Хисамутдинов и др. В трудах этих исследователей освещались исторические события и проблемы жизни русской эмиграции, литературная деятельность эмигрантов, анализировались произведения русских и китайских писателей.

Работы, созданные на протяжении данного периода, можно разделить на три группы:

- материалы информационного плана;
- мемуары, раскрывающие быт русского населения Харбина (непосредственных участников происходивших событий);
- монографические исследования российских и китайских ученых.

Анализ трудов отечественных и зарубежных специалистов, посвящённых русской культуре Харбина, позволяет выявить несколько взаимосвязанных направлений:

- исследование истории и основных тенденций развития русского зарубежья (работы Г. Адамовича, Л. Вильямса, Г. Граббе, Н. Зернова,

П. Ковалевского, М. Новикова, Т. Осоргиной, М. Раева, Г. Фолькмана, Р. Фостера, А. Эппель и др.);

– изучение русской эмиграции как сложного многомерного явления культуры, раскрывающего механизмы адаптации культуры и выполняющего важные исторические функции (работы Н. Абалова, В. Иванова, Ши Фа);

– описание культурного наследия восточной части русской эмиграции, деятельности интеллигенции, системы образования и науки в Харбине и осмысления значения деятельности русских школ и вузов для сохранения и воспроизведения национальной культуры (работы Н.А. Василенко, Н.П. Гридина, Н.Л. Горковенко, С.И. Лазарева, Г.В. Мелехова, В.Ф. Печерицы, Е.П. Таскиной; Ван Пыин, Жао Ланлунь, Ли Сингэн и др.);

– анализ русской литературы Харбина и индивидуальных особенностей творчества её представителей, основных тенденций развития и связи с классическими традициями русской литературы XIX – начала XX вв. (работы Г.П. Аникиной, О.М. Бакич, О.Н. Романовой, Е.П. Таскиной и др.).

Большой вклад в изучение культуры Харбина в 1990-е гг. внесли китайские учёные. Глубокие исследования истории русской эмиграции в Китае провели Ван Чжичэн [Ван Чжичэн 1993], Ли Сингэн [Ли Сингэн 1997], Хэ Инь [Хэ Инь 2010], Ши Гохуа [Ши Гохуа 1990] Ши Фа, Гао Лиин, Лю Шуан [Ши Фа 2003] и некоторые другие. Так, в 1993 г. У Вэнсян и Чжан Сюлань опубликовали книгу «Хорват и КВЖД» (эта книга сейчас стала библиографической редкостью, и её практически невозможно найти в библиотеках России и Китая), а Ван Чжичжэн выпустил монографию «История русских эмигрантов в городе Шанхае» [Ван Чжичжэн 1993], в которой значительное место было уделено деятелям культуры, приехавшим в Шанхай из Харбина.

Большой вклад в изучение русской культуры Харбина внёс профессор Ли Яньлин, крупнейший специалист в области русской литературы и культуры, награждённый правительством РФ за свою подвижническую деятельность российским орденом Дружбы. Ли Яньлин начал изучать русскую литературу Харбина в сложные 1960-е гг. – период Культурной революции, когда были опасны любые упоминания о Советском Союзе (России) и русской культуре. На протяжении сорока лет Ли Яньлин собирал произведения русских эмигрантов, поэтов и прозаиков; сохранённые им произведения вошли в пятитомное собрание сочинений, опубликованное в переводе на китайский язык, а также в десяти томник, изданный на русском языке. Помимо текстов художественных произведений, написанных русскими литераторами-эмигрантами, в эти

издания была включена обширная фактическая информация об их жизни и творчестве.

Книги, посвящённые истории и культуры Харбина, в 1990-е гг. были опубликованы и в России. Среди них в первую очередь следует отметить книги «Неизвестный Харбин» Е. Таскиной и «Маньчжурия далекая и близкая» Г. Мелихова. Оба автора родились и долгое время проживали на территории Харбина (они принадлежали к второму поколению русской эмиграции); после возвращения в СССР, последовавшего в 1950-е годы, сосредоточили своё внимание на изучении культуры дальневосточной эмиграции. Следует особо подчеркнуть то, что в их работах личные воспоминания были дополнены многочисленными документальными источниками и научной интерпретацией происходивших в то время событий.

Е.П. Таскина выделила в русской литературной жизни Харбина три периода: 1) Конец 1910-х – середина 1920-х гг. (литературная жизнь была преимущественно связана с деятельностью писателей «старшего поколения»). 2) 1926–1935 гг. (центральную роль играла деятельность литературно-художественного объединения «Чураевка») [Дяо Шаохуа 2003]. 3) Середина 1930-х – середина 1950-х гг. (завершающий период, на протяжении которого творчество литераторов осложнялось политической ситуацией, способствовавшей отъезду из Китая многих представителей русской интеллигенции; ряд писателей умирает, а некоторые уничтожаются физически в сталинских лагерях) [Таскина 1994].

В книгах Г.В. Мелихова была представлена хроника жизни русского Харбина, его общественная и культурная жизнь; в них содержалась персоналии жителей города. Но, помимо этого, автор поставил важнейший теоретический вопрос о взаимодействии русского харбинского зарубежья с китайской культурой и о том, в какой мере китайская культура в пределах локального пространства повлияла на русский культурный анклав.

С точки зрения Г.В. Мелихова, российская и китайская диаспоры в Харбине тесно взаимодействовали и обогащали друг друга. Существовавшее в Харбине культурное пространство не только способствовало сохранению русской национальной идентичности, но и оказало большое воздействие на культуру Китая, которая, в свою очередь, благодаря установлению тесных контактов между российским и местным населением, испытала на себе позитивное воздействие русской культуры. Каждая из национальных культур «вносила свой ощутимый эксклюзивный вклад в общественную и культурную жизнь всех “маньчжурцев”, формируя тот удивительный сплав различных культур, прежде всего – восточных, что является характерной чертой облика харбинцев – русских жителей

многонационального города Харбина, где всё это проявляло себя наиболее ярко и выпукло. Но русское начало при этом преобладало всегда», — отмечал Г.В. Мелихов в предисловии [Мелихов 2003: 5].

С его точки зрения, многонациональный Харбин потому и стал называться «русским», что в нём русский язык и русская культура объединили все национальности и национальные культуры [Мелихов 1997].

Однако существует и иная точка зрения о взаимодействии русской и китайской культур в Харбине.

Анализируя культурную жизнь русской харбинской диаспоры в 1920–1940-е гг., В.Ф. Печерица в работе «Духовная культура русской эмиграции в Китае», отметил, что русская эмиграция в Китае противилась ассимиляции, стремилась вести «русский образ жизни», поддерживать «русский дух» и «русский образ мыслей». Эмигранты хотели жить, работать, творить в качестве неотъемлемой части России, посланцами которой они себя считали [Ли Мэн 2007].

Более категорично вопрос о существовании прогрессивных культурных связей между русскими эмигрантами и китайским населением Харбина ставили некоторые китайские исследователи (Ли Мэн, Цюй Цюбо), отрицавшие их наличие. Такое утверждение основывалось на некоторых конкретных исторических фактах, анализе литературных произведений, созданных в 1920–1930-е гг., воспоминаниях Н. Байкова, Ю. Крузенштерн, Н. Резниковой. Так, Ли Мэн утверждала, что, несмотря на то, что русские и китайцы много лет проживали в одном городе, они почти не имели активных культурных контактов (поскольку не знали языка друг друга), в результате чего не могли обогатить друг друга в культурном отношении.

В 1936 г. в Китае была опубликована интереснейшая книга писательницы Сяо Хун «Рыночная улица», в которой была описана её юность, прошедшая в Харбине. Книга стала единственным произведением, написанным в те годы, в котором упоминались русские деятели культуры. В произведениях других китайских писателей, как утверждает Сяо Хун, вообще ничего не сообщалось о русских, которые жили рядом с китайцами. Анализируя произведения А. Несмелова и Б. Юльского, посвященные жизни русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае, Ли Мэн отметила, что персонажи-китайцы, появляющиеся в произведениях этих писателей, представлены как люди ленивые, тупые, хитрые, необразованные или жестокие, а в повестях Н. Байкова китайское население однозначно связывалось с дикой природой.

Однако в результате разносторонних исследований, проделанных китайскими учеными, большинство исследователей пришло к выводу о том, что деятельность русской диаспоры в Харбине содействовала укреп-

плению духовных и культурных связей между двумя народами, чему во многом способствовал высокий уровень развития русской литературы, музыки, живописи (Ли Жэньнянь [Ли Сингэн, Ли Жэньнянь 1996], Ли Шу Хьяо [Ли Шу Хьяо 1998], Дяо Шаохуа [Дяо Шаохуа 1996] и др.).

Профессор Ли Яньлин обратил внимание на тесное взаимодействие и взаимодополнение русской и китайской культур. Исследуя культуру русского Харбина, ученый, наряду с такими её традиционными чертами, как патриотизм, реалистичность, психологизм, особо отметил присутствие в ней особенностей, характерных как для культуры России, так и Китая. Огромное воздействие на повседневную жизнь русской эмиграции и её культуру в Харбине оказывали традиции и мораль китайского народа, быт проживавшего рядом китайского населения, природа Китая. Все эти факторы в совокупности способствовали тому, что русская культура Харбина стала уникальной [Ли Яньлин 2005].

К аналогичным выводам пришёл исследователь Ван Ямин, с точки зрения которого русские писатели и поэты не только сумели сохранить традиции русской литературы Золотого и Серебряного века, но и внесли в неё особый колорит, связанный с китайской культурой [Ван Яминь 2005].

Интересно отметить, что в качестве примеров художественных произведений, возникших в результате постоянного диалога двух культур, исследователи нередко указывают на творчество тех же деятелей русской культуры, что и сторонники противоположной точки зрения, – А. Ачаира, Н. Байкова, А. Несмелова, В. Перелешина.

Так, например, харбинский поэт Валерий Перелешин активно занимался переводом на русский язык традиционной китайской поэзии. В 1940-е гг., уже в шанхайский период жизни, у него появилось немало китайских учеников. Высокую оценку исследователей получили сделанные им переводы классической поэмы китайского поэта Ли Сао и древнего китайского философского труда Дао Дэ Цзин, которые были выполнены через много лет после отъезда из Китая [Ли Мэн 1994].

Яркий образ Харбина, его духовной атмосферы и портреты его обитателей были воссозданы в творчестве (публицистических статьях, фельетонах, рассказах и стихах) русского журналиста, прозаика и поэта Арсения Несмелова [А.И. Митропольского], прожившего Харбине более двадцати лет (с 1924 по 1945 г.).

С точки зрения Ли Яньлина китайская культура глубоко понята и раскрыта в романах Н. Байкова «Черный капитан», «Шу Хай» и «Великий Ван». Например, в романе «Великий Ван» русский писатель художественно воспроизвёл ту часть китайской культуры, которая связана с представлениями о тиграх («тигровой культурой Китая»), а его произведе-

дение целиком проникнуто китайским моральным духом и китайской философией [Ли Яньлин 2005].

Аналогичной точки зрения придерживался и российский исследователь Г.В. Мелехов, утверждавший, что русская и китайская диаспоры, располагавшиеся на территории Харбина, не были замкнуты и изолированы, а жили, обогащая друг друга (при доминирующем в пределах города начале русской культуры) [Мелихов 1997; Мелихов 2003].

Историко-культурный опыт Харбина оказался совершенно уникальным. Это город, ставший своеобразным «культурным анклавом» – хранителем традиций русской классической культуры и литературы, а также новой русской культуры Серебряного века, успешно поддерживавший и развивавший русскую культуру на территории Китая – страны с древнейшей и очень развитой культурой – в период грандиозных социальных потрясений, которые переживали обе страны на протяжении XX в. Оказавшись за рубежом, на территории совершенно иной страны, в окружении непохожей на русскую культуры, представители России смогли сохранить её традиции и продолжить развитие национальной культуры в совершенно новых условиях. Россия в их сознании стала превращаться в миф, который они сами же и создавали.

Судьбу харбинцев предсказал один из наиболее ярких писателей русского восточного зарубежья А. Несмелов в стихотворении «Пять рукопожатий», опубликованном в сборнике под характерным названием «Без России» (Харбин, 1931 г.): «...Мы – умрем, а молодняк поделят – Франция, Америка, Китай» [Несмелов 1990: 88].

Когда история русского Харбина завершилась, участники его культурного развития оказали воздействие на культуру тех регионов, в которые они в дальнейшем переселились, – Шанхая (2-го центра русского зарубежья на территории китайской земли, русская история которого завершилась несколько позже, чем Харбина), СССР и Российской Федерации, некоторых стран Латинской Америки, в которые судьба забросила бывших обитателей Харбина и Шанхая, Соединённых Штатов Америки (прежде всего, Сан-Франциско, – города, где поселилась значительная часть представителей русской диаспоры, прибывшая из Харбина).

Таким образом, русская культура Харбина с полным основанием может считаться *межнациональной* и *кросс-культурной*. Харбин бережно сохранял национальные традиции – как старые русские, так и новые, обретенные на территории Китая, ставшего для жителей Харбина «второй» Родиной. «Харбинский культурный анклав» был носителем уникального опыта сохранения и трансляции традиций двух культур, преодоления межкультурных барьеров, национальных и политических границ. Этот опыт, обретенный в период реального бытия в пространстве

русского города, продолжал воздействовать на жизнь харбинцев и в дальнейшем, когда его русская история завершилась и анклав уже перестал существовать, – уже в качестве «культурного поля», образа, исследование которого позволяет понять механизмы функционирования русской культуры.

Библиографический список

Ван Чжичжэн. История русских эмигрантов в Шанхае. Шанхай, 1993. 832 с. [汪之成 «上海俄侨史» 上海, 三联书店上海分店出版社, 1993, 832页 (汪之成 «近代上海俄国侨民生活»上海, 上海辞书出版社, 2008, 576页)].

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае: пер. с кит. / предисл., послесл. Л.П. Черниковой. М.: Русский путь; Б-ка-фонд «Русское Зарубежье», 2008. 576 с.

Ван Яминь, Го Инин. Харбинская русская эмигрантская литература в Китае // Русский язык в Китае. 2005. № 2. С. 53–56.

Дяо Шаоуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. 2003. – № 4 (866). С. 221–228.

Дяо Шаоуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) // Россияне в Азии (Торонто). 1996. Вып. 3. С. 58-109.

Ли Мэн. Литература русской эмиграции в Китае: забытая страница. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2007. 483 с. [李萌. 《缺失的一环：在华俄国侨民文学》.北京: 北京大学出版社, 2007. 483 p.].

Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

Ли Синган. Лотос, плывущий в буре. Русские эмигранты в Китае. Пекин, 1997. 432 с. [李兴庚. 风雨浮萍. – 俄国侨民在中国 / 李兴庚. – 北京 : 中央编译出版社, 1997. 432 页].

Ли Яньлин. Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. III. Пекин: Китайская молодёжь, 2005. 602 с.

Ли Яньлин. О литературе русской эмиграции в Китае. Ч. 2. Харбин: Хэйлунцзянское народное изд-во, 2005. 276 с. [李延龄. 论中国俄罗斯侨民文学 (2) / 李延龄. – 哈尔滨 : 黑龙江人民出版社, 2005. 276 p.].

Ли Шу Хьяо. Деятельность Харбинской православной епархии // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 172–174.

Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.

Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае, 1917–1924 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 245 с.

Несмелов А.И. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / Сост. и коммент. Е.В. Витковского и А.В. Ревоненко. М.: Московский рабочий, 1990. 402 с. (Московский Парнас).

Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.

Хэ Инь. Харбин – вторая Родина русских эмигрантов. Харбин, 2010. 303 с. [贺颖. 他乡亦故乡: 俄罗斯人回忆哈尔滨. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2010. 303 p.].

Ши Гохуа. Русские в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 228–230.

Ши Фа. История русской эмиграции в Харбине. Харбин: Жэньминь чубаньшэ Хэйлуңцзян, 2003. 609 p. [石方. 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003. 609 с.].

Perelešin V. [Перелешин В.] Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930-1950 [Поэзия и литературная жизнь в Харбине и Шанхае в 1930–1950 гг.): the memoirs of Valerij Perelešin / ed. in Russ. a. with an introd. by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam: Rodopi, 1987. 159 p.

Wang Kewen

Head of Russian Language Department
Nanchang University, China

A.A. Krasnoyarova

Lecturer of Russian Language Department
Nanchang University, China

T. D. Popkova

Associate Professor of Russian Language Department
Jinan Women University, China

B.V. Kondakov

Professor of Russian Literature Department
Perm State University

FORMATION OF RUSSIAN CULTURE IN HARBIN

In recent years, the topic of the Russian diaspora has acquired the status of an independent scientific field within the framework of literary and cultural studies. The study of the history of Russian culture in China, the reasons for the emergence and stages of development, the characteristics of the content and form of works, the principles of its functioning and ways of interacting with Chinese culture have now become extremely relevant, due to globalization processes occurring in the modern world, the destruction of ideological barriers, mutual the interest of both countries in the history and culture of each other. Relying on the works of Russian and Chinese studies, the authors show that Harbin's Russian culture synthesized in itself certain features characteristic of both Russian classical culture and traditional culture of China.

Key words: Russian diarrhea, Harbin culture, foreign literature, periodization, cultural enclave